

В. И. Васильев,
*председатель региональных отделений Союза архитекторов
и Союза реставраторов России (г. Псков)*

**«АВТОРА!»,
или Несколько страниц из биографии Герарда Станкевича,
построившего храм в погосте Синяя Никола**

«Мы про них не вспомним, – и про нас не вспомнят!
Не вспомнят ни разу.
Никто и никогда».
(Р. Рождественский, «210 шагов»)

«Зачем ты тратишь время на изучение всех этих Подчекаевых, Станкевичей и пр.? Тоже мне – великие архитекторы!» – искренне недоумевает один мой весьма титулованный коллега, уж себя-то совершенно точно считая великим...

А я не считаю ни великими, ни даже просто выдающимися (в масштабе общероссийском) всех этих зодчих, в разное время в силу разных обстоятельств оказавшихся связанными с Псковской землей и потому ставших предметом и целью моих архивных исследований. Я просто рассказываю о них своим землякам, предоставляя моим современникам право самим делать выводы о степени таланта каждого из этих трех десятков архитекторов, одни из которых проработали на Псковщине три месяца, а другие – четверть века. Рассказываю всем, хотя понимаю, что далеко не каждому интересно знать ответ на вопрос: кто построил здание, мимо которого проходит он каждый день, или старую церковь, сиротливо ветшающую вблизи родной деревни его бабушки?

Про храм в погосте Синяя Никола, что некогда числился в Опочецком уезде, многочисленные интернет-страницы, повторяя друг друга и не считая нужным ссылаться на источники, сообщают нам, что существующая кирпичная церковь была построена в 1901 г. на средства Дмитрия Николаевича Бизюкина. Но ведь мы хорошо помним некрасовские строки: «Труд этот, Ваня, был страшно громаден, – не по плечу одному!...»¹ И как бы ни была велика заслуга благодетеля (спонсора, как обычно говорят в наши дни) Бизюкина, у храма этого должен был быть

и автор проекта. Да, найдется немало «знатоков», авторитетно утверждающих, что подобные храмы в т. н. «псевдо-русском» стиле (в действительности этот стиль называли нео-русским, официально – византийским) строили по альбому типовых проектов, составленному академиком архитектуры К. А. Тоном. Но пусть эти ученые мужи попробуют построить хотя бы самую небольшую часовенку, опираясь только на этот альбом! А мы с вами будем стоять в сторонке и с улыбкой наблюдать за их беспомощными потугами... Эскизы из достопамятного альбома Тона задают лишь образ и основные размеры будущего храма, помогая заказчику сделать выбор из предлагаемого академиком разнообразия вариантов. Сделав свой выбор, заказчик обращался к архитектору, который, отталкиваясь от облюбованного заказчиком образца, разрабатывал проект будущего храма. Но даже по утвержденному проекту (а его согласовывали в четырех инстанциях – в строительном отделении Губернского правления, в Техническо-строительном комитете МВД, в епархиальном духовном управлении, в Святейшем Синоде) ничего построить было практически невозможно. Строительное уложение Российской Империи определило минимальный состав проекта, подлежащего согласованию: планы этажей, фасады, одно-два сечения (так называли тогда разрезы), план местоположения. Рабочие чертежи, по которым и строили здания, составляли после утверждения проекта, в т. ч. значительную их часть – в процессе строительства. Количество этих чертежей достигало нескольких десятков, а иногда – двух-трех сотен листов. И всю эту работу выполнял, как вы понимаете, отнюдь не спонсор-благодетель и не десятник.

Кстати, о десятниках: вот еще одна незаслуженно забытая фигура в российской строительной жизни конца XIX – начала XX вв. Но эта тема заслуживает отдельного рассказа.

Но вернемся, наконец, к синеникольскому храму и попытаемся ответить на вопрос: кто был его архитектором? Скажем сразу, на данный момент не удалось найти документ, который давал бы на этот вопрос однозначный ответ. В архивных фондах Святейшего Синода хранится фотография синеникольской церкви, сделанная в завершающей стадии строительства², но ни на лицевой стороне, ни на обороте этого фотоснимка

нет никаких прямых или косвенных указаний об авторе проекта. К сожалению, упомянутый бледный отпечаток имеет столь низкое качество, что не было смысла иллюстрировать им наш рассказ. Однако там же, в Российском государственном историческом архиве, хранится еще один документ по интересующей нас теме: «Дело о постройке каменной с деревянными покрытиями церкви в погосте Сине-Николе Опочецкого уезда Псковской губернии»³, датируемое весной 1896 г. Из материалов этого дела мы узнаем, что проект церкви для погоста Синяя Никола 29.02.1896 был рассмотрен и одобрен Строительным отделением Псковского губернского правления, а 16 марта того же года был направлен в Техническо-строительный комитет МВД. Спустя полтора месяца, 4 мая, проект был возвращен в Псков с некоторыми замечаниями, а уже 28 мая исправленный проект был повторно рассмотрен ТСК и получил положительное заключение. Это заключение вместе с самим проектом на 8 листах⁴ было снова направлено в Псковское строительное отделение.

Формально в этом деле нигде не упомянут автор проекта, но заметим, что всю переписку со столичным начальством вел Станкевич, занимавший в те годы скромную должность младшего архитектора Строительного отделения. Тот факт, что послания в Петербург подписывал не губернский инженер Езеровский, не губернский архитектор Данишевский, говорит о прямой ответственности Станкевича за данный проект. Если бы проект составлял сторонний (т. е. не числящийся в Псковском строительном отделении) архитектор, то в материалах дела присутствовали бы пояснения этого архитектора или подробное изложение этих пояснений (в соответствии с правилами тогдашнего делопроизводства). Оперативность внесения исправлений в проект (невозможная, если бы автор проекта жил не в Пскове) тоже о многом говорит. Следует сказать, что в середине 1890-х гг. в Пскове не было других архитекторов, кроме вышеназванной троицы.

Версию коллективного творчества мы отклоняем сразу, поскольку в губерниях (в отличие от столицы) такая практика была чрезвычайной редкостью: за проект и его последующее воплощение отвечал один архитектор, составлявший все необходимые документы – от плана до сметы и пояснительной записки. В столицах к тому времени уже

складывались некие прообразы современных архитектурных мастерских, в которых идеи мастера вычерчивали его помощники. В губернских городах острейший дефицит квалифицированных кадров не позволял выстроить такую систему, поэтому каждый архитектор составлял проект единолично. И если мы видим, что записку к проекту синеникольской церкви составлял Станкевич, а смету к мелётовскому храму Назимов, то мы вправе именно этих архитекторов считать авторами упомянутых проектов.

Наконец, упомянем, что вплоть до 1903 г. в Псковской епархии не было штатного архитектора. В то же время Станкевич, испрашивая в 1894 г. назначение на эту должность, указывал, что имеет «...постоянное производство церковных работ в Псковской губернии»⁵.

Кем же был предполагаемый архитектор синеникольского храма Герард-Клименс Фортунатович Станкевич?

К настоящему времени собрано уже немалое количество документальных сведений о жизни и творчестве этого архитектора, обнаруженных как на страницах газет конца XIX – начала XX вв., так и в различных архивах Пскова и Петербурга. Объём накопленного материала значительно превышает рамки одной статьи или доклада. Поэтому здесь мы коснемся лишь некоторых страниц биографии этого человека, выбрав только малоизвестные или вообще никогда не публиковавшиеся ранее факты.

Герард Станкевич относится к старинному, известному с конца XV в., и весьма многочисленному дворянскому роду, представители которого внесены в дворянские книги девяти губерний Российской Империи. Родители будущего архитектора владели небольшим поместьем Адамово, находившимся в Видзенской волости Ново-Александровского уезда, занимавшего крайнюю восточную часть Ковенской губернии⁶. Ново-Александровск, переименованный так Николаем I в 1830 г. в честь своего старшего сына, – это не что иное, как старинный Езёринас и современный Зарасай, расположенный в 25 верстах от Динабурга (в настоящее время Даугавпилс, Латвия – прим ред.). Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно в Динабургском реальном училище получил среднее образование Герард Станкевич. Нам это известно из его собственноручного прошения о зачислении в Строительное училище⁷

(будущий Институт гражданских инженеров имени Николая I), датированного 20.07.1882 г. Причем пока не ясно, он окончил училище в 20-летнем возрасте (что необычно поздно) или 2-3 года после завершения учебы занимался чем-либо иным.

Кстати, старший брат Герарда Фортунатовича Болеслав, родившийся на два года раньше и поступивший в тот же Петербургский институт гражданских инженеров на два года позже Герарда⁸, после завершения института также служил инженером и архитектором в Люблинской губернии (более подробных сведений о его деятельности обнаружить пока не удалось). Получил достойное образование (правда, по иному профилю) и младший из братьев – Игнатий Станислав, в начале XX в. служивший агрономом в Поволжье и в Предуралье⁹. О самом старшем из братьев – Владимире, а также о сестрах Марии и Ядвиге нам пока не известно ничего, кроме их имен.

Родители Герарда Станкевича – Фортунат Антонович и Елизавета Клименсовна (возможно, своим вторым именем Герард-Клименс наречен именно в честь деда по материнской линии) жили как минимум до середины 1880-х годов, когда они постепенно завершили распродажу своего небогатого (и к тому же давным-давно заложенного в Виленском банке) имения – частично оно было раскуплено зажиточными крестьянами, а оставшуюся часть выкупила казна¹⁰.

Годы учебы в Петербурге стали, наверное, самыми трудными в жизни Станкевича. Отчасти это смогут понять и почувствовать лишь те, кому довелось обучаться в институте в чужом для себя городе вдали от дома, не получая никакой помощи из дома и не смея рассчитывать на неё... Те, чьи головы в студенческие годы были заняты не только постижением наук, но и заботами о том, как найти средства на пропитание. А студенты конца XIX в. еще должны были платить за пошив обуви, мундира и прочей одежды, за оплату съемного жилья...

Но только отчасти, потому что мы с вами не испытали унижения, связанного с предъявлением т. н. «свидетельства о бедности». Этот немудреный документ по запросу студента выдавал орган власти того уезда или города, где остались жить его родители, и он свидетельствовал о том, что эти родители бедны, как церковные мыши, и не в состоянии

оплачивать учебу своего сына. Практически весь период своего студенчества, включая предпоследний семестр обучения, Станкевич был вынужден подавать прошения о назначении стипендии и об освобождении от уплаты взноса за посещение лекций¹¹, прилагая в качестве подтверждения своей неплатежеспособности упомянутое свидетельство... Каково было потомственному дворянину (и про пресловутую польскую гордость не забудем!) чувствовать на себе снисходительные взгляды своих более обеспеченных однокурсников!..

Каким способом Станкевич зарабатывал себе на жизнь? Достоверных сведений у нас пока нет, но можем предположить, что он, как и большинство студентов ИГИ, работал помощником у какого-либо петербургского архитектора или инженера (нередко в качестве «работодателя» выступали преподаватели института, многие из которых имели частную практику).

Как знать, не эти ли тяжкие годы нужды воспитали в Станкевиче привычку браться одновременно за несколько проектов, впрягаться в несколько должностей? Не тогда ли закалились такие черты его характера, как упорство и въедливость в изучении и решении профессиональных вопросов?

Упомянем еще один факт из его биографии. В начале июня 1887 г. Герард Фортунатович успешно завершил свое обучение в институте, «оказав при отличном поведении очень хорошие успехи»¹². Его ждало место инженера на государственной службе – следовательно, ждало соответствующее жалованье и возможность вырваться, наконец, из полунищенского существования. Что же наш герой? Он просит причислить себя без всякого содержания к Техническо-строительному комитету МВД для самостоятельных занятий по продолжению профессионального образования и отправляется на строительство одного из петербургских заводов, где в течение 3 месяцев «практически изучал мостовые сооружения, стропильные фермы и системы отопления и вентиляции зданий»¹³!

Итак, с начала осени 1887 г. Станкевич служит в Пскове и служит весьма успешно. «Дела отлично, как обычно. А с «личным»? Ну, вот только с «личным» – привет...»¹⁴ Наш рассказ о семье Станкевича будет

краток, поскольку информации об этом к настоящему времени удалось найти немного. Герард Фортунатович был женат на Ядвиге Бейнар, 1865 г. р., католичке¹⁵. Венчание состоялось 19.09.1887 – всего через 9 дней после назначения Станкевича на должность младшего инженера строительного отделения Псковского губернского правления. Исходя из этого, можно предположить, что невесту Станкевич нашел еще в Петербурге, а не приискал быстренько в Пскове.

Что касается детей, то здесь все довольно печально. Следует отметить, что патриарх псковского краеведения Натан Феликсович Левин, изучая дореволюционные псковские газеты, сделал большое количество выписок о юношах и девушках с фамилией Станкевич (как правило, упоминаемых в качестве учащихся псковских гимназий) в надежде, что кто-либо из них окажется сыном или дочерью Герарда Фортунатовича. Увы, детей у четы Станкевичей не было. Точнее, был один сын. В фонде римско-католической церкви во имя Св. Марии, находящейся в Санкт-Петербурге на Выборгской стороне, в метрической книге за 1890 г. есть запись о том, что «25 октября 1890 г., в СПб., Казанской части 2-го участка, умер от “спадения лёгких” 14 часов от роду Станкевич Герард Герардович, сын гражданского инженера. Отпевание совершил 26 октября 1890 г. свящ. Лавкович»¹⁶. Других детей у Станкевичей не было, по крайней мере, по состоянию на февраль 1916 г., когда Герарду Фортунатовичу было уже 54 года, а его супруге – почти 51 год...

Расскажем еще об одном аспекте биографии нашего героя. Немногие знают о том, что многолетняя служба Станкевича в строительном отделении Псковского губернского правления неоднократно могла прерваться. И речь идет не только о попытке Герарда Фортунатовича занять должность епархиального архитектора, предпринятой им еще в 1894 году – практически в начале своей карьеры¹⁷. Трудно сказать, что побудило тогда 32-летнего инженера к желанию оставить государственную службу со всеми прилагающимися к ней, как мы сказали бы сейчас, социальными гарантиями. Возможно, при только что (практически одновременно со Станкевичем) назначенном губернском инженере Езеровском и «свеженазначенном» (в 1893 г.) губернском архитекторе Данишевском Станкевич не видел для себя перспективы

карьерного роста? Так или иначе, но епархиальный совет не считал возможным выделить 500 рублей в год для оплаты вводимой должности епархиального архитектора. Потом, через 10 лет, эту должность введут на несколько лет в штат епархии, и ее займет В. Л. Назимов, после отставки которого она снова будет упразднена до 1910 г., когда епархиальным архитектором станет А. А. Подчекаев, исполнявший ее вплоть до революции.

Но гораздо более интересно рассмотреть попытки Станкевича совсем покинуть Псков. Первая из них была предпринята им еще в апреле 1903 г., когда он, всего за три года до этого назначенный губернским инженером, обратился к столичному руководству со следующим прошением: «...желал бы по семейным обстоятельствам перейти на такую же должность в другую губернию»¹⁸. Что это были за семейные обстоятельства – для нас пока остается загадкой. К сожалению для Станкевича, в МВД не смогли найти для него подходящую вакансию, и он остался служить в Пскове. Но в связи с упомянутым несостоявшимся переводом процитируем один документ, характеризующий отношения Станкевича с тогдашним губернским начальством. Князь Б. В. Васильчиков, исполнявший должность псковского губернатора в 1900-1903 гг., в ответ на запрос ТСК МВД пишет следующее:

«Коллежский советник Станкевич за все время своей службы во вверенной мне губернии (с 10.09.1887 по настоящее время) неизменно пользовался репутацией отличного техника и находился на высоте предъявлявшихся к нему по службе требований. В нравственном отношении г. Станкевич также может быть аттестован мною с самой хорошей стороны»¹⁹.

Как разительно отличается эта характеристика от оценки, которую Герарду Фортунатовичу дал следующий псковский губернатор – граф А. В. Адлерберг – в 1910 г. Осенью того года Станкевич вновь обратился с прошением в МВД: «...принужден, по семейным обстоятельствам, покинуть г. Псков, а потому покорнейше прошу Ваше превосходительство перевести меня на соответствующую должность в один из ближайших губернских городов»²⁰. И Адлерберг не просто накладывает сухую резолюцию: «...препятствий к переводу в другую губернию с моей

стороны не встречается». Отдельным письмом граф Адлерберг дополнительно просит председателя ТСК содействовать «скорейшему переводу Станкевича в другую губернию, так как я никакого доверия к Станкевичу иметь не могу в виду допускаемых им неправильностей по постройкам, почему дальнейшая служба с ним представляется невозможной». Далее Адлерберг просит содействовать к назначению на место Станкевича «человека серьезного и с положительными служебными качествами, так как личный состав техников строительного отделения псковского губернского правления требует за собой бдительного и строгого надзора»²¹.

Эти два эпизода наглядно показывают, в какой степени карьера и судьба архитектора зависели от благоволения или недовольства губернского начальства. А ведь последняя характеристика Станкевича дана Адлербергом (напомним!) в 1910 г. – за три года до скандальной ссоры между Станкевичем и Зыковым, разбирать которую пришлось даже заместителю министра внутренних дел²². Итогом длительного разбирательства этого внутриведомственного конфликта, в который оказался втянут и младший архитектор строительного отделения Н. Н. Клименко, стало вынесение в августе 1913 г. «соломонова» решения о переводе Станкевича, Зыкова и Клименко «для пользы службы» в другие губернии²³. На место «высылаемых» скандалистов были уже определены кандидаты, переводимые из других мест Российской Империи: из Тамбова, из Курляндской и Бессарабской губерний. Но в итоге этот сложный пасьянс, задуманный в столичных кабинетах, так и не сложился в силу переплетения разных причин. В итоге Станкевич остался на своей должности, Клименко взял длительный отпуск для лечения расстроенного здоровья²⁴, а потом был переведён в министерство²⁵. Ну а Зыков ушёл в отставку²⁶ и вскоре после этого скоропостижно скончался.

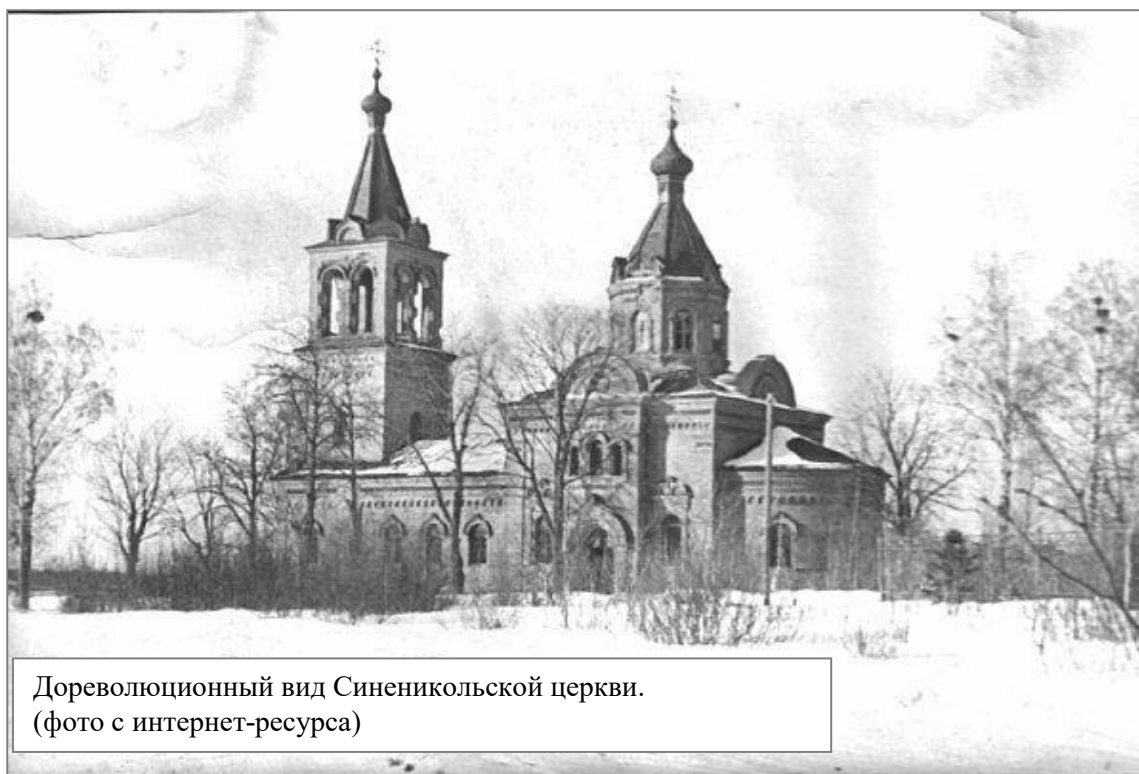
Так завершились все три попытки Станкевича уехать из Пскова, известные нам на сегодня. Но мы так и не знаем пока одной из главных тайн его судьбы, а именно: что стало с Герардом-Клименсом Фортунатовичем после 1917 года? Последнее известное документальное упоминание о нём датировано 3 октября 1916 г., когда статскому советнику Станкевичу было всемилостивейше объявлено Высочайшее

«АВТОРА!», или Несколько страниц из биографии Герарда Станкевича, построившего храм в погосте Синяя Никола»

благоволение «за труды, понесенные при условиях военного времени»²⁷. Уехал он в Петербург или ушел с белыми войсками в Эстонию, умер от тифа или тихо прожил остаток дней в каком-нибудь ином городе? Будем искать и надеяться на удачу. Он заслужил нашего пристального внимания к его судьбе.

Современный вид Синеникольской церкви.
(фото с интернет-ресурса)

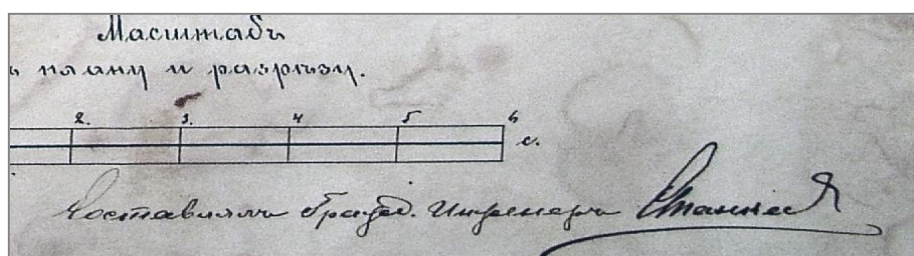

Дореволюционный вид Синеникольской церкви.
(фото с интернет-ресурса)

«АВТОРА!», или Несколько страниц из биографии Герарда Станкевича, построившего храм в погосте Синяя Никола»

Один из самых первых проектов Станкевича – магазин Е. Платишенского в Новоржеве (из фондов ГАПО)

Укрупнённый фрагмент проекта магазина Е. Платишенского - подпись Станкевича (из фондов ГАПО)

Одна из последних работ Станкевича – дом Сафьянщикова на Сергиевской ул. (ныне – Октябрьский пр.) в Пскове. Современный вид

Портрет Герарда Станкевича (не позднее 1891 г. - «Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института Гражданских Инженеров (Строительного Училища», С.-Пб, 1892)

¹ Н.А. Некрасов «Железная дорога».

² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф.835, оп.1, д.826.

³ РГИА, ф.1293, оп.129, д.74.

⁴ В ту эпоху наиболее распространённым был размер чертежа, близкий современному формату А3. Но при необходимости осуществляли склейку нескольких листов.

⁵ Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО), ф.39, оп.2, д.195, л.1.

⁶ Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА), ф.184, оп.2, д.560, л.8.

⁷ Там же, л.1.

⁸ «Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института Гражданских Инженеров (Строительного Училища)» (далее – «Юбилейный сборник...»), С.-Пб, 1892, с.325.

⁹ РГИА, ф.1349, оп. 2, д.421, лл. 4-5.

¹⁰ РГИА, ф.570, оп.15, дд.1013, 1015.

¹¹ ЦГИА, ф.184, оп.2, д.560, лл.7, 10, 11, 15-19.

¹² Там же, л.22.

¹³ «Юбилейный сборник...», сс.324-325.

¹⁴ М. Леонидов «Привет».

¹⁵ РГИА, ф.1349, оп.2, д.420, лл.54-59.

¹⁶ ЦГИА, ф.1921, оп.1, д.5, л.67, запись №523.

¹⁷ ГАПО, ф.39, оп.2, д.195, л.1.

¹⁸ РГИА, ф.1293, оп.120, д.90, л.17.

¹⁹ Там же, л.19.

²⁰ Там же, л.22.

²¹ Там же, лл.23-26.

²² ГАПО, ф.20, оп.1, д.2876.

²³ РГИА, ф.1293, оп.141, д.3, л.23.

²⁴ Там же, лл.27, 28, 30.

²⁵ Там же, л.31.

²⁶ «Псковская жизнь», 1913, №788 (28.09), с.3 (хроника).

²⁷ «Зодчий», 1916, №46, с.418